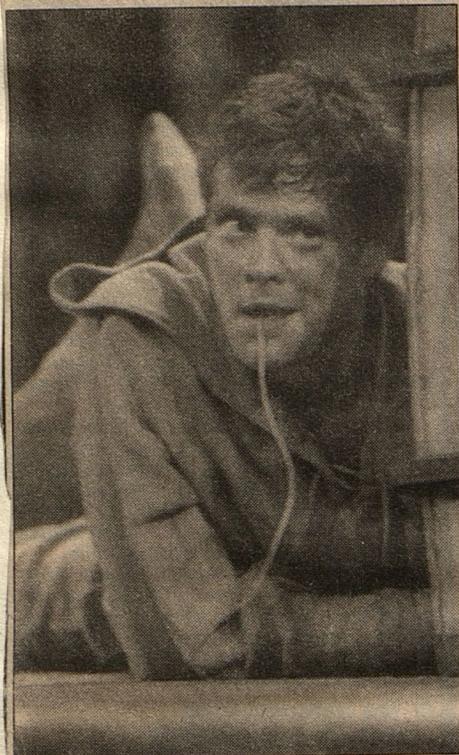

УЧИТЕЛЬ ТАНЦЕВ УМЕЕТ БИТЬ НЕ ТОЛЬКО ЯЙЦА

Краткая справка: Максим Разуваев родился в Альметьевске (Татария) 19 июля 1971 года. В 1992-м окончил Театральное училище им. Щукина, после чего пошел в театр "Современник", где и работает по сей день. Сыграл более 10 ролей в театре, еще в годы учебы снялся в двух фильмах. Дипломант международного конкурса по степу, преподает в частной танцевальной школе.

Больше всего в детстве он хотел стать режиссером. Или художником-декоратором. А мог бы быть шахматистом или танцевать степ... Сейчас он женат, как он считает, на одной из самых красивых актрис "Современника" и мечтает вырастить такую же дочь. Очарован своей актерской профессией, и мысль о режиссуре его уже давно не посещает.

— Максим, расскажите о географии вашего "кочевого" детства.

— Я родился в городе нефтяников, где берет начало нефтепровод "Дружба" — не знаю, жив ли он сейчас. Потом я прожил 9 лет в Казани, где работали мои родители-актеры, затем 8 лет в Челябинске, и сейчас уже, получается, — 11 лет в Москве.

— И какими судьбами вас занесло в Москву?

— Сюда я приехал поступать в Щукинское училище. Родители, будучи, как и все актеры, людьми тщеславными, очень радовались и гордились, когда я поступил. Хотя я сам абсолютно не переживал. Дело в том, что моей мечтой было стать театральным художником: я много рисовал, делал макеты. Но без художественного образования вряд ли пробился бы и потому стал подумывать о режиссуре. Потом понял, что в 17 лет никто меня туда не возьмет, и пошел в актеры. Самое тяжелое, когда я поступил в институт, был мой возраст. Я считался самым младшим на курсе. Самому взрослому было 26. Он заканчивал филфак МГУ, и ему сказали: "Вы нам, конечно, по возрасту не подходите, но здесь очень нужны интеллигентные люди". И, естественно, меня все не очень серьезно воспринимали.

— А сколько прошло времени между "приходом в театр" и "женитьбой"?

— Меньше года. К концу сезона мы сошлись с Машей Селянской (актриса "Современника"), а через два года родилась Соня. Причем Маша практически не уходила из театра, играла до седьмого месяца, а вернулась через три месяца после рож-

дения дочки. А в нашем графике появился подъем в полвосьмого... В семье, где я воспитывался и где оба родителя работали в театре, было золотое правило: "Дома — ни слова о работе". Правда, у нас это пока не получается...

— В "Пигмалионе" Фредди вашему герою не раз приходится падать. Синяки остаются?

— Пожалуй, нет. Я считаю, что синяки нужно набивать на репетициях. Хотя как раз на последнем "Пигмалионе" так и было. Я выпрыгиваю на сцену, и первое, что делаю, еще до первой реплики, — задеваю за металлическую колонну локтем и разбиваю его просто вдрызг. Дальше сцену пришлось играть просто на автопилоте — в глазах бегают зайчики, болевой шок... Оттарабунчал весь текст, умудрился упасть еще раз на этот локоть (уже по роли), и за сценой уже меня приводили в чувство. Я до сих пор не пойму, как это могло случиться — на ровном месте, не во время падения. Совершенно бестолковая случайность...

— Но вы согласны с утверждением, что сцена лечит?

— Я убежден в этом. Накануне премьеры "Четыре строчки для дебютантки" я сломал кисть. И пришлось играть главную роль в лангетке — в черном пальто с белым гипсом. Хотели надеть перчатки, но потом передумали, потому что мне это не мешало, я не обращал на это внимания. Ведь у публики есть такое качество: она обращает внимание на экстерьер актера только первые 5–7 минут. Потом она следит совсем за другим — за тем, что происходит с человеком, за сюжетом. Естественно, я привожу пример удачной игры. Если через 15 минут публика продолжает смотреть на эту лангетку, значит, что-то не так. Если лангетка интересует больше...

— Все актеры, как правило, суеверны. К вам это относится?

— Раньше я говорил: "Я верю только в те приметы, противоядие от которых я знаю". Известно, что если падает нож, значит, придет мужчина. Тогда надо ножом постучать по столу, что как бы отменяет действие. Если просыпается соль — к ссоре, ее нужно так чуть распределить и ножиком провести крест. Сейчас я стараюсь уходить от суеверий. Ведь среди них есть очень личные, вплоть до бредовых. Например, если при ходьбе я шаркнул одной ногой, то, чтобы чувствовать себя хорошо, я должен компенсировать это подшаркиванием другой.

— Я слышала, что Максим Разуваев хлопотать у плиты. Когда появилось ваше кухонное хобби?

— Уже после того, как я пришел в театр и женился. Я не могу готовить себе — для себя достаточно два яйца разбить и бросить на сковородку. Но и не могу сказать, что жене повезло. Она сама прекрасно готовит, но я стараюсь ее туда не допускать. Самый лучший отдых — когда я целый день стою у плиты. Обожаю ходить по продуктовым магазинам, придумывать какие-то новые блюда.

— Какими кулинарными изысками вы балуете родных и близких?

— Одно из моих любимых, лично придуманных блюд — тушенная баранина в овощах. Это чем-то напоминает хашламу и готовится так: сначала кладем в утятницу 3 крупно нашинкованных сладких перца. Сверху укладываем штук 8 обжаренных бараньих ребрышек (по 12–15 см), и на маленьком огне все это тушится часа два. Тем временем мы шинкуем и пассеруем до золотистого цвета 3–4 луковицы на той же сковородке, что и баранину. Лук сбрасывается в утятницу, и туда же идут 4 лавровых листа и по 3 нарезанных помидора и морковки. Часа через 3–3,5 после начала таинства мы все перемешиваем и добавляем соус: в 1/3 стакана томатного соуса или кетчупа добавляем пару ложек "Вегеты", соль, головку чеснока (зубчик режем на 3–4 части), перец, гвоздику. Стакан доливаем до краев кефиром, перемешиваем и заливаем в общий котел. Через 10 минут выключаем плиту и приступаем к еде.

Мария КОСТЮКЕВИЧ.